
Выбегаешь на крылечко, на мороз –
И косыночка сбивается оплечь.
Ничего на белом свете не всерьез.
Никого на белом свете не сберечь.

Едут сани, режет полоз ледяной,
Виснет месяц от беды на волоске,
Покрывается нежданной сединой
Растрепавшаяся прядка на виске.

Едут сани, едут сами – а куда?
Позасыпаны дороги да пути.
Говорят, что это горе не беда –
Только зиму поперек не перейти.

А повдоль нее крутые берега,
В берегах текут поземка да пурга,
Набухают светом звезды на мороз –
Ничего на белом свете не всерьез...

А всерьез пред этой грозною зимой
Подареная косынка с бахромой,
Да горячая дорожка от слезы,
Да по зимнику тяжелые следы.

...И уже не забудутся никогда
В перекрестье дел и больших, и малых
Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах...

И уже растворилась огнем в крови
Молодая метель над ночной страной,
И уже бессмысленно о любви –
Ибо только она, и ничто иное.

А мороз на Урале привычно груб,
И теперь от него заслониться нечем,
Но уже не отнять воспаленных губ
От шершавого горлышка русской речи.

То ли просто зима, то ли впрямь беда
Высекает слезы из глаз усталых...
...Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах.

* * *

Теплый свет заструился из раненой плоти древесной,
Задышала кирпичная печка на кухоньке тесной,
Залетел мотылек, заметался, захлопал крылами,
Загляделся нечаянно долго в открытое пламя.

Никогда я не стану, о Господи, я же не стану
Открывать словно рану свою незажившую тайну,
Просто чайник поставлю и новых дровишек подброшу,
А в окно погляжу – ни следа не видать на пороше.

Только темные ветлы стоят у студеной излуки,
Молча тянут к бегущей воде обнаженные руки,
И скользят золотые браслеты по тонким запястьям,
Что когда-то звенели своим неприкаянным счастьем...

Убегает вода – и уносит судьбу, убегая,
А назавтра проснешься – и жизнь совершенно другая,
И не надо над нею томиться тоской бесполезной,
Если дышит кирпичная печка на кухоньке тесной.

Так останься же тайной отрадой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отречение
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свеченье
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто не молит золу золотую:
Озари, воскреси, оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви...

Так останься же памятью майской
За оградою прожитых лет,
Где сияет прощальной лаской
Фонаря остывающий свет...

Как тут выбирать, коль попал спроста
В спелую солому – сухую тишь:
Вымолвить хоть слово – спалишь уста,
Ну, а промолчать – изнутри сгоришь.

В общем, эта жизнь – чистый самопал:
Воздуха вдохнул – и уже пропал...
И таких пропащих немерено,
Только знать об этом не велено.

Да и выбирать – было б из чего...
Даже смертный снег не студит чело.
А кому посмеешь пожалиться
Среди уголья на пожарище?

Прощевай-прости, да не помни зла,
Было или не было – все зола,
А добром нечаянным – вспомяни
Лоскуток согревшего пламени.

Ненасытной удалью молодой тоски
Воровская музыка мечется в такси.
Бьется в стекла, поймана черным коробком...
Что она, о ком она? Больше ни о ком.

Вспоминать не велено, все пошло не так:
От проспекта Ленина на Свердловский тракт,
Дальше – Комсомольского бурная река...
Помяни их, Господи: мальчиков зэка,

Девочек без вызова, ужас черных трасс...
Музыка неистово обвиняет нас,
Выживших в развалинах, помнящих едва:
Музыке позволено, музыка права!

Слов не слушай, Господи: лгут слова навзрыд.
Плотный сумрак в городе фонарями взрыт,
Высверками высвечен, фарами в упор –
Музыка неистово продолжает спор

Не за души сгинувших в ужас и во тьму –
За невинных нынешних, за себя саму,
Разудало-жалкую в гиблой слепоте,
С неизменно ржавую финкой в сапоге...

Как нельзя замереть на речной излучке
Зеленеющей ивой – на век, не больше, –
Так нельзя протянуть на прощанье руки,
Вопрошая беспомощно: Боже, Боже,

Почему в этой боли так много света?
Почему этот свет в предвечерней черни
Обрывается каплями с тонких веток
В глубину стремительного течения?

Я не помню горе – я счастье помню:
Так июльское солнце, насквозь пронзая,
На прощанье, до завтра собою полнит
Всё пространство земли от края до края.

И уже невозможно не стать счастливой
В этом свете спасительном, в этой муке –
Зеленеющей, солнцем облитой ивой
Над высокой водой на крутой излучке.

Когда бы знали мы на самом деле,
Как наши карты звездные легли...
Она сидела на краю постели –
Усталый путник на краю земли.

Перебирая в пальцах бесполезно
Больничную застиранную бязь,
Она глядела в пол, как будто в бездну,
Где космос открывался ей, клубясь.

Несли таблетки, кашу приносили,
С трудом тянули кровь из бледных жил...
Июль пролил на окна столько сини,
Так листьями по стеклам ворожил,

Так объявлял грозу, молил о чуде,
Так умолкал в изнеможенье: будь!
...Никто не знает, как ступают люди
На бесконечно долгий звездный путь,

Как за спиною вдоль высоких окон
Проглядывают линии орбит...
Как на столе в стакане одиноком
Серебряная ложечка звенит.

Радость говорить – пробовать на вкус
Воздуха сырой серебряный хруст,
Корочку морозца ломая
До горячей мякоти мая...

Кто для нас с тобой этот хлеб растил?
Кто его питал солнцем спелых сил,
Песни пел над зреющей нивой –
Молодой, влюбленный, счастливый?

Прижимал к груди запад и восток,
Растирал в руках крепкий колосок –
И высокой светлой страдою
Проходил бескрайней страну...

Собран урожай, смолота мука,
Мякоть горяча, корочка сладка –
Ешь, дитя, расти, не печалься,
На лихом ветру не качайся!

В малой горсточке тепла
Спать да спать, дыша неровно...
Боль пройдет, как ночь прошла.
И она была огромна,

И она была темна,
И ее гроза взрывала –
Даже в горсточку тепла
Ветром брызги задувало.

И, почти сводя с ума
На немислимой поверке,
Была высверками тьма
Прямо в сомкнутые веки.

И казалось, выше сил
Неумолчный грохот ада –
Только кто-то подносил
Сердцу тихую прохладу,

Утирал огонь со лба,
Молча истово молился...
Сохрани во сне, судьба,
Эти призрачные лица,

Эти ясные глаза,
Свет лучащие, спасая.
Тающие голоса,
Невесомые касанья...

* * *

Задувает, метелит, вьюжит – но как легко
Пить ледяное, хрустящее снежное молоко!
Так и льнет, так и льется широкой рекой на грудь –
Успевай шубейку драную запахнуть...

Пахнет розами ночь – но откуда в морозы такой цветник?
Ароматный родник – даже ветер в испуге сник.
Словно смотришь в уютный садик через забор –
И глядишь на розы как вор, и дышишь как вор...

Это чистое, нежное, чуть взглянул – и уже украл...
Это в сердце как в тайнике: декабрь, Урал,
Ночь, морозец, сердце рвется из-под руки
Собирать горячие белые лепестки.

И морозец ему не указ, и ночь – не указ.
Если хочет оно украсть – ну как не украсть?
Это сердце, и что для него закон?
Только то и живо, что под его замком.